М. В. Куцаева

РАННЕЕ ОСВОЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В МАРИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

В статье приводятся результаты социолингвистического обследования, которое проводилось автором в марийской диаспоре московского региона с целью выявления и описания функционирования этнического языка. Один из аспектов исследования посвящен вопросу межпоколенной передачи этнического языка в условиях диаспорного проживания. Респонденты первого поколения в выборке в целом демонстрируют высокий уровень языковой лояльности и уверены в том, что не утратят этнический язык, их опасения касаются скорее представителей второго поколения, выросших в московском регионе. Среди основных факторов, способствующих раннему овладению этническим языком во втором поколении, были названы следующие: погружение в языковую среду в марийской деревне летом; внутрисемейное бытовое общение на этническом языке; привлечение детей к участию в культурных мероприятиях, организованных в Москве марийским землячеством, по инициативе отдельных представителей или групп диаспоры. Однако при непосредственной реализации данные модели обнаруживают на практике ряд существенных недостатков: дальнейшая русификация марийской деревни, а значит, скудное овладение марийским; отведение ребенку роли пассивного слушателя в разговорах взрослых; отсутствие культурных форм, отвечающих запросам подростков. Заметную роль в слабой передаче детям этнического языка играют негативные аттитуды, стигматизирующие идеологии, языковые практики, унаследованные респондентами в отношении марийского языка на малой родине. В ходе обследования были зафиксированы отдельные позитивные сдвиги в этом направлении, преимущественно среди молодых респондентов, вследствие осознания ценности языка и изменения языковых стратегий и идеологий. Это важно, поскольку марийский язык является одним из основных признаков этнической идентичности в выборке: утрата во втором поколении диаспоры марийского приводит к утрате некоторых других этнических маркеров и как следствие — к размыванию границ этнической группы.

Ключевые слова: *марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, московский регион, межпоколенная передача языка, аттитуды, идеологии, речевое поведение.*

Введение

Марийцы являются автохтонным финно-угорским народом Среднего Поволжья. В силу исторических причин, начиная с XVI–XVIII вв., сформировалось два основных ареала проживания марийского этноса: первичный поволжский (средневожский) и вторичный приуральский (камско-уральский) (Сепеев, 2006: 112). Марийский этнос внутренне неоднороден, выделяются три субэтнические группы: горные, луговые, восточные. На территории Российской Федерации проживают 547605 марийцев, из них в Республике Марий Эл — 290863 чел., остальные 46,9 % расселены компактными или дисперсными группами в других регионах страны. Проживающие за пределами Республики Марий Эл марийцы образуют внутреннюю диаспору в рамках многонационального государства (ССТ 2006: 57). 66,7 % от всего марийского населения РФ владеют марийским языком, среди республиканских мари доля владеющих этническим языком составляет 68,1 % (ВПН 2010). Марийский язык (горный, луговой) является наряду с русским государственным языком в Республике Марий Эл; в местностях компактного проживания марийцев (например, Башкортостан, Татарстан) за марийским языком закрепляется использование в отдельных официальных сферах (подробнее о категоризации марийского языка см. (Агранат, Куцаева, 2020), о юридическом статусе языков РФ (см. Moskvitcheva, Viaut, 2019). С лингвистической точки зрения ответ на вопрос о количестве марийских языков остается неоднозначным; впрочем, в рамках данной работы эта проблема представляется нерелевантной.

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона с целью выявления и описания функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры (подробнее см. (Куцаева, 2020а). По данным переписи 2010 года, в Москве и Московской области численность марийцев достигла 4655 чел., из них этническим языком владеют 1657 чел. (соответственно, доля владеющих составляет 35,6 %) (ВПН 2010). Выборка в обследовании составила 106 человек, из них сто опрошенных принадлежат первому поколению диаспоры, являются преимущественно уроженцами Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийцев (Республики Башкортостан и Татарстан, Кировская и Свердловская область) и проживают в настоящее время в Москве или Московской области; шесть респондентов принадлежат второму поколению марийской диаспоры. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических марийцев.

Ввиду того, насколько острой является проблема витальности этнического языка вне исконного места проживания этнической группы, один из аспектов исследования посвящен вопросам межпоколенной передачи марийского языка, в частности усвоения этнического языка в раннем детстве. Респонденты первого поколения в выборке в целом демонстрируют высокий уровень языковой лояльности (Куцаева, 2020б: 128) и уверены в том, что не утратят этнический язык; их опасения относительно возможной утраты марийского касаются представителей второго поколения, выросших в московском регионе. Анализ интервью, а также использование методов непосредственного и включенного наблюдения позволили выявить факторы, способствующие, по мнению опрошенных, раннему овладению марийским языком во втором поколении диаспоры.

Факторы, способствующие передаче этнического языка в диаспоре

В выборке 51 респондент первого поколения имеет детей или внуков дошкольного, младшего или среднего школьного возраста; в фокусе нашего исследования были учтены ответы 33 респондентов группы, которые так или иначе высказались по данному вопросу (каждый третий респондент назвал более одного ответа). В качестве основных факторов, которые, по мнению опрошенных, могли бы способствовать сохранению и передаче марийского языка в диаспоре, были названы следующие: во-первых, погружение в языковую среду марийской деревни в период летних каникул; во-вторых, внутрисемейное бытовое общение в московском регионе; изучение марийского через культурные формы (участие в различных культурно-досуговых мероприятиях московских мари и через песенную марийскую культуру).

Таблица

Факторы, способствующие передаче этнического языка

Фактор, способствующий передаче этнического языка в диаспоре	Доля в % от общего количества ответов, указанных респондентами (всего 45)
Погружение в языковую среду в марийской деревне летом	42
Внутрисемейное бытовое общение в московском регионе	36
Культурные формы (участие в культурно-досуговых мероприятиях; марийская песенная культура)	22

Остановимся подробнее на каждом из указанных факторов.

Сохранность марийского языка всегда была выше в сельской местности, в связи с чем основные надежды на овладение детьми марийским, кажется, возлагаются респондентами на естественную языковую среду деревни (схожие результаты были получены нами в отношении представителей чувашской диаспоры (Куцаева, 2018)). «Марийский, конечно, детям нужен, потому что мы марийцы и они должны знать наш марийский, наши корни они должны знать, марийский язык знать. Если они поедут в деревню, они обязательно усвоят. Просто в деревне у нас ведь по-русски никто не разговаривает, там все говорят на марийском языке» (№ 9, Ж., 31). «Возить к бабушке на лето — это, конечно, самый хороший, лайтовый вариант. И у детей есть классная особенность, они схватывают очень быстро» (№ 42, М., 31). Миссия марийской деревни заключается в том, чтобы пробудить у ребенка спорадический интерес к марийскому; обратной стороной медали является снятие с родителей ответственности и обязательств по передаче этнического языка детям (при том, что респондентами демонстрируется желание передать язык детям, однако владение языком предполагается в усеченном объеме). «А марийский как бы будут понимать — и достаточно! Думаю, когда подрастут, они будут изучать, если им будет интересно. Ну вот как: чуть подрастут, поехали ко мне в деревню, там же в деревнях у нас чисто на марийском разговаривают. Ну, вот я как бы приехал туда, на лето оставил там. Понравился если язык вообще в деревне! Если скажет, что понравился, хочу научиться чего-нибудь там балакать, грубо говоря. Если хотят, тогда вопросов нет! Я не против этого, не против! Тогда я буду разговаривать с ними по-марийски!» (№ 35, М., 28). Подобная иммерсивная модель калькирует практику, усвоенную респондентами на малой родине, когда городских детей отправляли на лето к старшим родственникам в сельскую местность, где бы они могли научиться марийскому языку.

Вторым фактором, по мнению опрошенных, выступает внутрисемейное бытовое общение. Межпоколенная передача языка в семье является базисом для трансмиссии материнского языка (стадия 6 шкала GIDS (Fishman, 2001: 466). В настоящее время так называемая семейная языковая политика занимает центральное место в вопросе поддержания миноритарных языков (Smith-Christmas, 2016: 12). О том, что в семье практикуется (звучит) марийский, заявили 36 % респондентов в фокус-группе.

Наконец, третий фактор связан с культурой. Для респондентов в выборке в целом характерно твердое убеждение о тесной связи языка и культуры. На вопрос о том, что бы они хотели передать подрастающему поколению, распространенным следует считать ответ: «В первую очередь танцы. Песни. Ну, хотелось бы опять, чтоб умели разговаривать. Танцевать. Петь. Ну, это самое основное в принципе!» (№ 92, М., 31). С одной стороны, приобщение детей к музыкальной этнической культуре и языку благодаря использованию современных технологий возможно и в домашних условиях, с другой, в общественно-культурном пространстве по инициативе членов марийской диаспоры проводятся мероприятия, нацеленные на сохранение культуры и поддержания языка (Куцаева, 2020в). С мая 2019 г. в Москве реализуется проект «Моско марий тўвыра рўдер», в рамках которого ведется обучение подрастающего поколения и взрослых марийскому танцу, песне, кулинарным традициям. «Нет у нас какого-то конкретного проекта марийского языка, марийский язык — он не изучается; мы считаем, он должен изучаться просто в общении, ведь у нас встречи проходят на марийском и, кто не знает, тот просто слушает и если какие-то вопросы, то задает» (№ 2, М., 33). «Это была моя инициатива пойти на *Шуматкече Кастене*, особенно там был *Йўитӧ Кугыза*, Дед Мороз, у меня сын не смог на утренник попасть в садике, и я его специально отвела. Сказала, что у нас будет марийский Дед Мороз. И он с удовольствием, был в восторге от нашего такого! *Лумӱдыр* — это Снегурочка. Ему очень понравилось. На следующий день он начал ставить мне марийские песни, а до этого он вообще никак не воспринимал» (№ 9, Ж., 31).

Несмотря на видимые положительные эффекты (раннее погружение ребенка в среду, язык, культуру), при непосредственной реализации данные модели обнаруживают на практике ряд существенных недостатков.

В марийской деревне общение ребенка со старшими родственниками, как правило — с бабушкой, на попечении которой его оставляют родители, имеет некоторые особенности. В частности, при взаимодействии наблюдается господство так называемой дуально-лингвальной модели (Smith-Christmas, 2016: 59), при которой один собеседник использует один код, а другой пользуется другим кодом. При этом, кажется, важно и учитывать возраст бабушки. Чем старше бабушка (а в случае самых младших детей в семье зачастую это прабабушка), тем больше вероятность того, что на практике ею применяется дуально-лингвальная модель. «Например, с моим ребенком моя бабушка разговаривает чисто на марийском. И он ее понимает почему-то! Она не умеет разговаривать по-русски! Ну, не умеет и не будет говорить! Мама моя с внуком по-разному разговаривает. То по-марийски, то по-русски. Я думаю, это по настроению. Не для того, чтобы научить. Но вот просто! Просто — настроение! Оно какое-то игривое должно быть» (№ 53, Ж., 30). Для успешной реализации модели на практике требуются усилия со стороны всех старших родственников; к сожалению, это не всегда соблюдается. «Бабушка говорит на марийском. Кто хочет — тот понимает. Строго. Она на русском не общается с внуками. Изъясняется на марийском. А я в деревне с дочкой на русском. Все-таки надо как-то объяснить ребенку так, чтобы побыстрее. Мама говорит: “Принеси ведро!” А я уж перевожу» (№ 63, Ж., 44).

Проблема с погружением городских детей в языковую среду (представители второго поколения диаспоры априори попадают в данную категорию) заключается еще и в том, что в более широком контексте марийской деревни непосредственное окружение (соседи, друзья, родственники) не всегда способны создать и поддерживать эту среду. Вот как об этом вспоминает респондент, в прошлом — «городской» ребенок: «Не требуется мне знания горномарийского, даже во взрослом возрасте. Нация горномарийская небольшая, все друг друга знают. И вот приедешь, и спрашивают, как у индейцев 400 лет назад: «Ты чей сын?» Называешься — и всё! Всю родословную уже знают и переключаются на русский с тобой говорить. Там репутация человека из поколения в поколение. Достаточно сказать, чей ты сын и отношение к тебе уже сложено. В общем-то, приезжаешь, присматриваются к тебе и пару вопросов зададут — и с тобой переключаются на русский» (№ 55, М., 41). Общение ребенка со сверстниками, по наблюдению респондентов, будет скорее на русском языке. «Когда ездили, он, знаете, вот такие выборочно слова знал. В деревне. Такие, как “кушать”, “играть”. А так — нет. Проблема еще была в том, что сейчас в деревнях с детства маленьких учат по-русски. Чтоб они свободно владели. Там любой ребенок спокойно по-русски разговаривает. А так бы, может, и научился бы марийскому языку. Если бы деревенские по-марийски разговаривали!» (№ 29, Ж., 53). В итоге из деревни ребенок возвращается со скудным лингвистическим багажом, в который помещаются отдельные лексические единицы, тяготеющие к описанию деревенского уклада («Спрашивает у дяди, как будет “цыпленок”, как “утка” по-марийски» (№ 6, М., 49)), императивные конструкции («Моя дочь знает что-то в плане бытового. Иди поешь. Подойди. Отойди» (№ 32, Ж., 37)), бранные слова («В большей степени матерный у них усваивался!» (№ 49, М., 52)).

Наконец, отметим, что интерес к марийскому, который, безусловно, марийская деревня пробуждает в ребенке, должен поддерживаться в долгосрочной перспективе, по его возвращению летом из деревни. В противном случае возможен следующий сценарий: «Вот племянник. Такое было, что ребенка, например, на лето отправили. И приходит потом с претензией к родителям: “Почему вы меня с детства не учили на марийском?” Он садится за марийско-русский словарь, ну понятно, насколько терпения хватает. Но это, сейчас, может быть, и прошло» (№ 72, М., 45).

Внутрисемейное бытовое общение на марийском имеет свои нюансы. Так, в браке, где лишь один родитель является марийцем, стратегия OPOL (One Parent One Language) (Smith-Christmas, 2016: 2) практически никогда не применяется респондентами — в семье используется русский язык. «Марийский у меня дочка знает, но чуть-чуть. Ей интересно, спрашивает. Этот ее интерес из деревни, скорее всего. Потому что мне дома не с кем разговаривать по-марийски» (№ 94, Ж., 36). Однако, даже в том случае, если оба супруга являются марийцами, они могут быть а) носителями различных диалектов марийского, взаимопонимаемость между которыми не всегда высокая; б) один из супругов может слабо владеть этническим языком и тогда общение также будет вероятнее на русском языке (за этническим языком будут закрепляться некоторые функции, например, тайного языка или эмоциональная). Интересными кажутся наблюдения за воспитанием детей младшего возраста и более старшего. Кажется, именно в раннем младенчестве респонденты «позволяют» себе использовать марийский; по мере взросления детей он заменяется русским. «С дочкой чаще все равно на русском, потому что по-марийски она-то все равно не понимает. А с мелким стараемся все равно на марийском разговаривать. Ну чтобы как-то привыкал. С дочкой тоже так разговаривали» (№ 92, М., 31). В этой связи влияние старших детей на младших оказывается очень сильным, каждый последующий ребенок владеет марийским, по признанию респондентов, слабее, чем старший. Общение детей между собой происходит только на русском языке.

На практике внутрисемейное общение на марийском реализуется так: «Мама моя пять лет жила, на зиму приезжала к нам. С мамой только на марийском. А с детьми на русском. Знаете, как получается: поворачиваюсь к маме, говорю на марийском. Тут же поворачиваюсь к детям и говорю на русском. Автоматом. И мама также. Даже если меня дети просят: “Мам, говори с нами на марийском!”, я даже переключиться не могу, мне тяжело переключиться на марийский язык!» (№ 57, Ж., 38). Таким образом, ребенку отводится роль пассивного слушателя разговоров взрослых. Хотя, очевидно, что создание среды, где ребенок сможет развить хотя бы пассивное знание языка предпочтительнее среде, которая заведомо исключает подобную возможность (Smith-Christmas, 2016: 48).

Что касается культурной составляющей, респонденты неоднократно указывали на то, что по мере взросления ребенок теряет интерес к марийской этнической культуре, будь то посещение мероприятий или прослушивание марийских песен. «В детстве, когда было три годика, естественно, она пела некоторые песни. Ну не то, что зубрила! У детей сами знаете, с малых лет память такая, более всё запоминающая. Было так, что частушку какую-нибудь споет. А сейчас, когда ей 13, — нет, сейчас уже нет» (№ 97, М., 35). «Единственное, что я младшую дочь брал с собой на марийские наши вечера. Посиделки в Москве здесь. Я ей дома песни пел. И у меня даже дочка пыталась это петь. Младшая. Нет, она просто слушает и, не понимая, просто поет песню, повторяет. Ей нравилась мелодия. Тогда ей было, наверное, лет 11–12. А сейчас, когда ей уже 14, я вот этого не замечаю» (№ 52, М., 56).

В этой связи необходимо сделать два замечания. Во-первых, конкретные языки соотносятся с конкретными культурами и с их культурными идентичностями на уровне деятельности, знания и бытования. Поскольку значительная часть каждой этнокультуры выражается лингвистически, постольку большинство этнокультурных поведений невозможно представить без их выражения посредством определенного языка, с которым эти поведения традиционно ассоциируются (Fishman, 2001: 3–4). Слабое владение этническим языком, соответственно, не дает в полной мере, во взрослом возрасте, вне эстетическо-чувственного восприятия, постичь скрытый за словами смысл культурной формы. Кроме того, «бытование» представляет собой саму межпоколенную связь, телесную связь между поколениями посредством которой, как полагают, передается особая «сущность» (там же: 4). Во-вторых, особенным представляется подростковый возраст. Знакомство ребенка с культурой, участие в мероприятиях способствует формированию отношения к языку. Однако в отрочестве и юности трудно избежать влияния мажоритарного языка, массовой культуры, влияния сверстников. Для под-

держания позитивного отношения к миноритарному языку требуется постоянный пересмотр и модернизация доступных культурных форм, непрерывная их реинтерпретация на миноритарном языке. Дискотеки, рок-группы и проч. становятся не менее важными, чем традиционные культурные формы. Подростки, которые принимают активное участие в культурных мероприятиях на этническом языке, вероятнее всего сохраняют позитивное отношение и к языку (Baker, 1992: 101, 136). В этом отношении в культурном поле марийской диаспоры в настоящее время, кроме упомянутого выше Проекта, функционируют традиционные *Мари касы* (марийские вечера), фокус-группой которых являются представители старшего поколения диаспоры, и марийские дискотеки (проект «Мари сем Москва»), ориентированные на марийскую молодежь. Ни в одном из этих направлений, к сожалению, не отводится места интересам подрастающего поколения, тогда как вопрос о vitalности этнического языка может быть связан именно с возможностью дать спасительную инъекцию подростковой культуре: когда язык теряется в подростковом возрасте, он может быть утрачен навсегда (Baker, 1992: 137).

Факторы, препятствующие передаче этнического языка в диаспоре

Заметную роль в слабой передаче детям этнического языка играют негативные аттитюды, стигматизирующие идеологии, языковые практики, унаследованные респондентами в отношении марийского языка на малой родине.

Языковой аттитюд — зонтичный термин, под которым скрывается ряд специфичных аттитюдов, например, отношение к миноритарному языку, к использованию определенного языка, отношение родителей к изучению языка и др. (Baker, 1992: 29). Под языковыми аттитюдами подразумеваются отношения к членам языковых сообществ (Edwards, 1994: 89).

Языковые идеологии обычно определяются в качестве набора убеждений о языке или о конкретном языке, разделяемых членами сообщества. Эти убеждения настолько укоренились, что их происхождение часто забывается самими говорящими; таким образом они социально воспроизводятся и становятся «натурализованными» или воспринимаются в качестве совершенно естественных и здравых суждений, соответственно, маскируя процессы социальной конструкции в действии (Smith-Christmas et al., 2018: 25). В большей мере языковые идеологии имплицитны и создаются доминантными группами (Sallabank, 2013: 68–72). Языковые идеологии касаются не только самого языка. Они скорее предполагают и устанавливают связи языка с идентичностью, эстетикой, моралью и эпистемологией. Через эти связи они поддерживают не только лингвистическую форму и использование языка, но и само понятие личности и социальной группы, а также такие фундаментальные социальные институты, как религиозные ритуалы, детскую социализацию, гендерные отношения, нацию-государство, систему образования и законодательство (Woolard, 1998: 3). Текущие исследования семейной языковой политики направлены на изучение критической роли, которую языковые идеологии играют в процессе принятия семьей решения относительно выбора языка общения и как, в свою очередь, эти процессы проявляются в актуальном использовании языка (Smith-Christmas, 2016: 10–11).

Различие между аттитюдом и идеологией частично объясняется разными традициями исследования; в некотором отношении идеология может быть рассмотрена в качестве глобального аттитюда (Baker, 1992: 15). Аттитюды и идеологии не возникают безосновательно, они базируются на глубоко укоренившихся предрасположениях, твердых убеждениях и восприятиях, касающихся как языковых практик (что люди делают), так и политики (что людям *следует* делать) (Sallabank, 2013: 63–64).

Языковые аттитюды респондентов в выборке были описаны в (Куцаева, 2020б), что касается языковых идеологий, препятствующих передаче марийского, выделим наиболее существенные. Во-первых, монолингвальная идеология (стандартного языка), согласно которой, владение языком, ассоциируемым с властью и экономическим успехом, может быть

достигнуто только за счет отказа от владения малым языком (Sallabank, 2013: 8). «Сейчас на русском. Просто я считаю, пусть он сначала научится на одном языке нормально разговаривать, а потом уже можно подключать остальное. Когда он в более осознанном возрасте будет. Хотя бы лет с пяти» (№ 53, Ж., 30). Во-вторых, идеология языка — местности (связь между языком и определенным местом, точнее *опытом* определенного места; язык «прикован» к определенному месту, именно в этом месте и *только* в нем на языке разговаривают. Однако отношение между языком и местом существует не просто как ассоциация между языком и географической территорией, но охватывает связь между местом и особой социо-исторической траекторией (Smith-Christmas et al., 2018: 143). В-третьих, идеология легитимности и аутентичности (господство модели традиционного носителя языка) (там же: 5). Именно последние две идеологии представляют собой основную преграду на пути овладения марийским языком представителями второго поколения, в сущности, «новыми носителями» марийского. Новые носители, несмотря на их потенциальный вклад в процесс поддержания миноритарных языков, находятся внизу социолингвистической иерархии, которая главным образом ценит традиционных носителей и их языковые практики (там же: 11). «Ну, наверное, я не особо так разговариваю, так как я не умею. Все эти спряжения — не могу я правильно говорить, у меня проблемы. Я его вообще не использую, можно сказать. Просто знаю слова. Знаю только слова, говорить-то на нем я не могу. Неправильно говорю. Потому что я когда приходил в деревню, пытался практиковать его, зачастую надо мной смеялись. Ну это более старые люди, мои родители. Родственники. Это возраст мамы. Ну, я понимал, что мне не стоит на нем разговаривать, я могу разговаривать на русском, они меня поймут» (№ 93, М., 17).

Языковые идеологии обеспечивают решающую связь между языковыми практиками и динамикой сдвига, упадка, поддержания и возрождения миноритарного языка (Smith-Christmas et al., 2018: 151). Под языковыми практиками мы подразумеваем речевое поведение, речевые стратегии с точки зрения процесса выбора языка либо языкового варианта для построения социально корректного высказывания (ССТ 2006: 184), одним словом, «кто говорит на каком языке, когда и где, как и почему» (Sallabank, 2013: 81).

Выше мы уже упоминали о том, что дети в большей мере усваивают команды, директивы, императивы, выговоры на этническом языке. Приведем выдержку из интервью. Дочь, 9 лет: «У меня папа, вот если мы дома, и я говорю, если ему что-то не нравится, он начинает со мной только по-марийски разговаривать. Ну чуть-чуть понимаю». Отец (№ 6, М., 49): «Чтобы не понимала». Нередко респонденты, активно владеющие этническим языком, указывали на то, что выражать эмоции им проще на марийском. Соответственно, младшее поколение языкового сообщества социализируется в языковые практики, которые приводят к ассоциации миноритарного языка с авторитарностью, а мажоритарного — с солидарностью (сверстники, старшие дети в семье); возникает дихотомия языка по оси авторитарности / солидарности. Директивы и выговоры за недостойное поведение ребенка на этническом языке создают негативную эмоциональную валентность для самого языка и позитивную — для мажоритарного языка, в дальнейшем это также приводит к предпочтению ребенком мажоритарного языка. Неиспользование языка в других сферах родителем (взрослым) способствует созданию прочной связи между языком и авторитарностью, она подкрепляется еще и тем, что подобные директивы исходят от старших членов семьи, то есть соблюдается иерархическая авторитарность (Smith-Christmas, 2016: 90). Кроме того, часто со временем рушится и выстраиваемая изначально дуально-лингвальная модель общения старших родственников и ребенка, взрослый постепенно перенимает идеологию солидарности и использует язык, который удобен обоим.

Языковые аттитюды и идеологии крайне важны (Sallabank, 2013: 60), они приобретают особое значение в процессе возрождения, сохранения, упадка или языковой смерти (Baker, 1992: 9), этими же авторами предпринимается попытка исследовать проблематику и вводятся

термины «изменение аттитюда» (Baker, 1992: 113) и «сдвиг аттитюда», который бы позволил предотвратить языковой сдвиг, хотя допускается и существование термина «сдвиг идеологии», поскольку он затрагивает общество в целом (Sallabank, 2013: 67). Аттитюды действительно меняются со временем (поступательно или стремительно), они редко статичны; существует множество факторов, вызывающих их изменение (социальные, внутренние и др.) (Baker, 1992: 97). Подвижная природа аттитюдов полностью соотносится с воззрениями постмодернизма на идентичность «конструируемую, текучую, множественную, непостоянную и фрагментарную» (Bendle, цит. по Sallabank, 2013: 71).

В ходе обследования были зафиксированы отдельные позитивные сдвиги в этом направлении, преимущественно среди молодых респондентов, вследствие осознания ценности языка и изменения языковых стратегий и идеологий. Об изменении аттитюдов респондентов в отношении марийского мы указывали в (Куцаева, 2020б). Кроме того, 28 респондентов в выборке (в возрасте до 40 лет), не имеющие детей, в подавляющем большинстве случаев заявили о том, что считают необходимым передать этнический язык будущим детям (в отличие от респондентов, имеющих взрослых детей, но не имеющих пока внуков, для них данный вопрос показался нерелевантным). Эти изменения тем более важны, поскольку марийский язык является одним из основных признаков этнической идентичности в выборке: утрата во втором поколении диаспоры марийского (о чем свидетельствует бытующее в марийском языке выражение «русская дочь (русский сын) марийской женщины», а также слабое желание представителей второго поколения участвовать в опросе) приводит к утрате некоторых других этнических маркеров и как следствие — к размыванию границ этнической группы (подробнее см. (Куцаева, 2020б)).

Заключение

Результаты проведенного социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона свидетельствуют о том, насколько острой является проблема сохранения этнического языка во втором поколении диаспоры. Несмотря на наличие факторов, способствующих межпоколенной передаче языка (погружение в естественную языковую среду марийской деревни летом, внутрисемейное бытовое общение, марийская этническая культура), при непосредственной реализации погружение в среду, язык, культуру обнаруживает ряд существенных недостатков: дальнейшая русификация марийской деревни, а значит, скудное овладение марийским; отведение ребенку роли пассивного слушателя в разговорах взрослых; отсутствие культурных форм, отвечающих запросам подростков. Факторами, препятствующими межпоколенной передаче этнического языка, являются языковые аттитюды, идеологии и практики, усвоенные респондентами на малой родине; тем не менее, в выборке были зафиксированы отдельные позитивные сдвиги в этом направлении, преимущественно среди молодых респондентов, вследствие осознания ценности языка и изменения языковых стратегий и идеологий.

Литература:

- Агранат Т. Б., Куцаева М. В.** Категоризация нескольких финно-угорских идиомов и языковая лояльность их носителей // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 11–24
- ВНП 2010** — Всероссийская перепись населения 2010 года // http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 19.06.2020).
- Куцаева М. В.** Проблема сохранения чувашского языка в условиях диаспоры московского региона // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XIV., Ч. 1. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 180–198.

- Куцаева М. В.** Об опыте социолингвистического обследования в мари́йской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции. М., 2020а. С. 104–111.
- Куцаева М. В.** Мари́йцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020б. № 2. С. 124–150.
- Куцаева М. В.** Этническая музыкальная культура московских мари (II) // Этническая культура. 2020в, № 3(4). С. 11–18.
- Сенеев Г. А.** История расселения мари́йцев. Йошкар-Ола, 2006.
- ССТ 2006** — В. Ю. Михальченко (отв. ред.) Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
- Baker C.** Attitudes and Language. Multilingual Matters Ltd, 1992.
- Edwards J.** Multilingualism. Routledge: London and New York, 1994.
- Fishman J.** (ed.) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Multilingual Matters: 116. 2001.
- Moskvitcheva, S. & Viaut A.** (2019). Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations. Cham : Springer Ed. (Serie Language Policy), 2019.
- Sallabank J.** Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press, 2013.
- Smith-Christmas C.** Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016.
- Smith-Christmas et al.** (eds.). New Speakers of Minority Languages. Palgrave Macmillan, 2018.
- Woolard K.** Language Ideology as a Field of Inquiry // Language Ideologies: practice and theory / Bambi B. Schieffelin, Kathryn A. Woolard, and Paul V. Kroskrity (eds). Oxford University Press, 1998. P. 3–47.

Куцаева Марина Васильевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, д. 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 27 июня 2020 г.

M. V. Kutsaeva

EARLY ETHNIC LANGUAGE ACQUISITION IN MOSCOW REGION MARI DIASPORA

The article presents the results of a sociolinguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora of the Moscow region aimed at identifying and describing the functioning of the ethnic language. One of the aspects of the study is devoted to the issue of intergenerational transmission of the ethnic language in the conditions of diasporic residence. The first-generation respondents in the sample generally demonstrate a high level of language loyalty and are confident that they will not lose their ethnic language, their concerns are more likely to deal with to the second-generation representatives who grew up in the Moscow region. Among the main factors contributing to the early acquisition of an ethnic language in the second generation, the following ones were mentioned: immersion in the language environment in the Mari village in the summer; intra-family everyday communication in an ethnic language; children's participation in cultural events organized in Moscow by the Mari community, as well as on the initiative of individual representatives or groups of the diaspora. However, when directly implemented, these models reveal several significant drawbacks in practice: further russification of the Mari rural areas, which leads to a child's poor proficiency in Mari; assigning the child the role of a passive listener in the conversations of older family members; lack of cultural forms that meet the adolescents' demands. Negative attitudes, stigmatizing ideologies as well as language practices inherited by respondents in relation to the Mari language in their small homeland all play a significant role in the weak transmission of the ethnic language to children. The survey revealed some positive changes, mainly among young respondents, due to their increased language awareness and changes in language strategies and ideologies. The Mari language is one of the main features of ethnic identity in the sample: the decay of the ethnic language in the second generation of the diaspora leads to the loss of some other ethnic markers and, as a result, to the blurring of the boundaries of the ethnic group.

Keywords: *Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, intergenerational language transmission, attitudes, ideologies, language practices.*

References:

- Agranat T. B., Kutsaeva M. V.** Kategorizatsiya neskol'kih finno-ugorskih idiomov i yazykovaya loy'al'nost' ih nositeley [Categorization of Several Finno-Ugric Idioms and Language Loyalty of their Native Speakers] // Vestnik MGLU [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. 2020. № 10 (839). P. 11–24.
- Baker C.** Attitudes and Language. Multilingual Matters Ltd, 1992.
- Edwards J.** Multilingualism. Routledge: London and New York, 1994.
- Fishman J.** (ed.) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Multilingual Matters: 116, 2001.
- Kutsaeva M. V.** Etnicheskaya muzykal'naya kultura moskovskikh mari (II) [Ethnic musical culture of Moscow Maris (II)] // Etnicheskaya kultura [Ethnic culture]. 2020. №3(4). P. 11–18.
- Kutsaeva M. V.** Marijtsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loy'al'nost' v usloviyakh vnutrennej diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2020. № 2. P. 124–150.
- Kutsaeva M. V.** Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariyskoj diaspore moskovskogo regiona [On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari diaspora group] // Malye yazyki v bolshoi lingvistike [Small languages in big linguistics]. A collection of papers. Moscow, 2020. P. 104–111.
- Kutsaeva M. V.** Problema sohraneniya chuvashskogo yazyka v usloviyakh diasporы moskovskogo regiona [Problem of Chuvash language maintenance in the conditions of Moscow region diaspora] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. V. XIV, Part 1. SPb, 2018. P. 180–198.
- Moskvitcheva, S. & Viaut A.** (2019). Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations. Cham : Springer Ed. (Serie Language Policy), 2019.
- Sallabank J.** Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press, 2013.
- Sepeyev G. A.** Istoriya rasseleniya mariytsev [History of Mari's settlement]. Ioshkar-Ola, 2006.
- Smith-Christmas C.** Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016.
- Smith-Christmas et al.** (eds.). New Speakers of Minority Languages. Palgrave Macmillan, 2018.
- SST 2006** — V. Yu. Mikhal'chenko (ed.). Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, 2006.
- VNP 2010** — Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian 2010 census]//http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Woolard K.** Language Ideology as a Field of Inquiry // Language Ideologies: practice and theory / Bambi B. Schieffelin, Kathryn A. Woolard, and Paul V. Kroskrity (eds). Oxford University Press, 1998. P. 3–47.

Kutsaeva Marina Vasilievna, candidate of philology, research fellow.

RAS, Institute of Linguistics.

1 B. Kislovskij lane, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru